
Т.П. Буслакова

«Прозаседавшиеся» (1922)

В автобиографии «Я сам» Маяковский, завершая краткий рассказ о своих впечатлениях от Октябрьской революции, неожиданно отмечал: «Начинают заседать». Бюрократизм поэт считал еще одним «врагом» новой жизни, с которым необходимо бороться в сатирических произведениях. Стихотворение было напечатано в «Известиях» 5 марта 1922 года с названием «Наш быт (прозаседавшиеся)».

То, что направленность сатирических выпадов оказалась точной, подтвердило выступление Ленина, состоявшееся на следующий день 6 марта, в котором руководитель партии и государства, отзываясь о «стихотворении Маяковского на политическую тему», отмечал: «Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно. Мы, действительно, находимся в положении людей (и надо сказать, что положение это очень глупое), которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы — до бесконечности...» (доклад «О международном и внутреннем положении Советской республики» на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов).

«Заседание» является смысловым и композиционным центром стихотворения, подобно тому, как оно составляет смысл жизни «служащих». В них превращается «каждый день» расходящийся «в учреждения» «народ», жизнь которого становится «делами бумажными». Лирический герой — один из тех, кто ходит «со времени она» к «товарищу Иван Ваньчу» на «аудиенцию». Исколесив «сто лестниц», «взъяренный», «дикие проклятия дорогой изрытая», он «врывается лавиной» на «заседание //А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

В изображении бюрократизма как «дьявольщины», «страшной картины» главную роль играет гротеск. В другом стихотворении, написанном также в 1922, лирический герой, исследуя «колеса канцелярской механики», вносил «конкретное предложение»:

Я,
Как известно,
не делопроизводитель.
Поэт.
Канцелярских способностей у меня нет.
Но, по-моему,
надо
без всякой хитрости
взять за трубу канцелярию
и вытрясти.

(«Бюрократида», 1922)

В стихотворении «Прозаседавшиеся» лирический герой выражает «мечту», которой встречает «рассвет ранний»:

О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!

Таким образом, радикальный способ борьбы с бюрократизмом оказывается ему наиболее близок. Абсолютное неприятие бюрократических порядков проявляется и в образе «заседания», создаваемом в стихотворении «Прозаседавшиеся». В нем заметно характерное для лирики Маяковского сочетание реалистической мотивировки и фантастики, благодаря чему социально-бытовая черта под увеличительным стеклом гротеска укрупнилась, что позволяло высветить глубинный смысл явления.

Достоверность происходящего подтверждается множеством реальных деталей. Среди них — бытовая (рассвет, учрежденья, характерные сокращения в их названиях: «глав», «ком», «полит», «просвет», лестницы, чернила, секретари, комсомол) и психологическая конкретика («свет не мил», «взъяренный», «Мечусь, оря», «С волнения не уснешь»). Некоторые черты действительности в восприятии лирического героя предстают утрированными, для чего используется гипербола («вижу каждый день», «Обдают дождем дела бумажные, // чуть войдешь в здание...», «отобрав с полсотни — // самые важные», «исколесишь сто лестниц», «Снова взбираюсь, глядя на ночь...»). Преувеличение выглядит не как субъективное искажение взгляда, а как закономерное следствие деятельности нечеловеческой машины. Ее автоматизм приводит к бессмысленности (механическое объединение Тео — театрального отдела Главполитпросвета при Наркомпросе и Гукона — Главного управления коннозаводства при Наркомземе; «покупка склянки чернил // Губкооперативом»).

В изображении «заседания» преувеличение становится фантастическим, абсурдным, но в то же время предстает органичным продолжением реальности: «...вижу: сидят людей половины...»

Гротескная «страшная картина» является в действительности реализацией метафоры «приходится раздвояться». Антитезой изумлению и страху лирического героя является «спокойнейший голосок секретаря», объясняющего, что «Оне на двух заседаниях сразу... До пояса здесь, // а остальное // там». Продолжая традицию Гоголя в представлении чиновников винтиками государственной машины, Маяковский изображает бюрократическую систему, подавляющую всех вовлеченных в ее сферу людей, все общество, заставляющую видеть в человеке не сознательного творца истории, а безголовый автомат («остальное // там»). Антигуманная сущность бюрократизма и является для лирического героя проявлением «дьявольщины», вызывая «мечту» о ее «искоренении».